

Нине Ивановне Хреновой на днях исполнился 81 год. Её мужа, Александра Фёдоровича, уже нет в живых. Он был одним из первых ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС. Вспоминает Нина Ивановна:

- Александр Иванович работал начальником автоколонны, относящейся к хозяйству «Куйбышевгидростроя». Был членом партии. После взрыва реактора ему предложили собрать самых достойных шофёров и поехать в Чернобыль. Он ходил, уговаривал людей, говорил каждому: «Я на тебя рассчитываю». Поехало 13 человек - наилучших, ответственнейших, трудолюбивых. Сейчас в живых осталось четверо, все инвалиды. Работали они там с 14 июня по 6 июля 1986 года. Нужно было вывозить радиоактивный грунт с территории, прилегающей к реактору, и насыпать вместо него свежий.

Защитного костюма у мужа не было. Он у меня был высокий. Дали куртку, кальсоны, носки, маску... Да и кальсоны-то короткие. Там, где кожа не была защищена одеждой, она сразу потемнела до буро-коричневого цвета – ядерный загар.

Дозиметры вышли из строя, и машины тоже - одна за другой. Прежде грузовики, которые ломались, ставили в отстойник, вроде как в могильник. На каждом была огромная доза радиации. Взамен присылали новые. А когда муж мой там работал - ничего не было, хоть плачь. Новых машин - нет, запчастей - нет. Так они ходили в этот могильник, снимали с грузовиков «грязные» запчасти, потом свои ремонтировали, чтобы на другой день выйти на работу.

У одного из шофёров машина сломалась прямо возле реактора. Так мой муж взял тягач, прицепил трос и вывез эту машину. И ещё они вдвоём чинили её потом, хотя она вся «светилась».

Им давали спирт, чтобы снять этот стресс, чтобы они не задумывались о том, что все они - смертники. Ведь уехали здоровые люди, а через три недели вернулись - тени, в ядерном загаре. У мужа сразу стали расти шишки на тех местах, которые были открыты - на руках, ногах. Ставили рожистое воспаление, нейродермит. Зуд, боль... Медики не хотели признавать, что это от Чернобыля. Потом у Александра Фёдоровича случился инфаркт, немного позже определили саркому Капоши.

Боли у него были очень сильные. Лекарств не хватало. Дочка помогала, привозила обезболивающие: она фельдшер, работает в Самаре. Ещё у нас есть сын - он подполковник, живёт в Москве.

Мы прожили с Александром Фёдоровичем 51 год. Когда он умер, мы ещё с одной женщиной, вдовой чернобыльца, судились, чтобы нам выплачивали «сумму возмещения вреда», доказывали, что мы жёны, что мужья были нашими кормильцами. Сегодня эта сумма составляет немного больше - 200 рублей.

Когда Нина Ивановна рассказывала, я вспоминала документальную повесть Г. Медведева «Чернобыльская тетрадь». Учёный-ядерщик, профессионал высочайшего класса Григорий Медведев в качестве эксперта одним из первых приехал к четвёртому реактору. Они с водителем Володей отправились «на разведку» на машине, оснащённой всеми имеющимися в то время приборами.

Они точно знали, сколько рентген могут позволить себе схватить, чтобы остаться в живых. И вот такую картину они увидели: «До блока метров четыреста.

- Посмотри, Володя! - Внутри ограды, рядом с разрушенным блоком и вплотную к завалу ходят солдаты, что-то собирают...

- Зажарит нас, - сказал Володя, прицельно глянув на меня. Лицо у него красное,

напряжённое. Мы оба в респираторах.

- Останови здесь... О-о! Да там офицеры тоже... И генерал...

- Генерал-полковник, - уточнил Володя.

- Это, наверное, Пикалов... Они собирают топливо и графит руками. Видишь, ходят с ведрами и собирают. Ссыпают в контейнеры. Вон, расставлены железные ящики... Графит валялся и за изгородью, рядом с нашей машиной. Я открыл дверь, подсунул датчик радиометра почти вплотную к графитовому блоку. Две тысячи рентген в час. Закрыв дверь. Пахнет озоном, гарью, пылью и ещё чем-то. Может быть, жареной человечинной...

Солдаты и офицеры, набрав полное ведро, как-то, мне казалось, неспешно шли к металлическим ящикам-контейнерам и высыпали туда содержимое ведер.

«Милые мои, - подумал я, - какой страшный урожай собираете вы... Урожай застойного двадцатилетия... Но где же? Где миллионы рублей, отпущенных государством на разработку робототехники и манипуляторов? Где? Украли?.. Пустили по ветру?..»

Лица солдат и офицеров тёмно-бурые. Ядерный загар. Синоптики обещают ливневые дожди, и, чтобы активность не смыло дождями в грунт, вместо роботов, которых нет, пошли люди.

Вдали видны навалы песка. Минтрансстроевцы уже роют захватки под реактором.

Пробили уже два тоннеля. Потом эстафету у них возьмут угольщики.

- Под бетонную подушку роют, - сказал Володя. - Говорят, бутылка водки под реактором стоит 150 рублей... Для дезактивации».

«Так в чём же он, главный урок? - задаётся вопросом Медведев. - Самый главный - это ощущение зыбкости человеческой жизни, её уязвимости. Всомогущество и бессилие человека продемонстрировал Чернобыль. И предостерег: не упивайся своим всемогуществом, человек, не шути с ним. Ибо ты причина, но ты и следствие.

В конечном счёте это мучает больше всего: те рассечённые радиацией нити хромосом, убитые или изуродованные гены, они уже ушли в будущее. Ушли, ушли...»